

The background of the cover is a painting. On the left, a blue wooden structure, possibly a porch or a window frame, is visible. Through a window, a warm interior scene is depicted with yellow light, a lamp, and a dark object. To the right of the structure, a dark, dense forest of trees stands against a pale, hazy sky. The foreground is filled with tall, golden-yellow grass, suggesting a field or meadow. The overall style is painterly and atmospheric.

ЛАУРЕАТ
«РУССКОЙ ПРЕМИИ»
2014

САША ФИЛИПЕНКО
ЗАМЫСЛЫ

Самое время!

Саша Филипенко
Замыслы (сборник)

«WebKniga»

2015

Филипенко С.

Замыслы (сборник) / С. Филипенко — «WebKniga»,
2015 — (Самое время!)

ISBN 978-5-9691-1374-9

За свой дебютный роман («Бывший сын», 2014) Саша Филипенко год назад получил «Русскую премию». С первой попытки – диплом первой степени в номинации «Крупная проза». Ну и как после этого садиться за следующую книгу? Тем более, что героя «Бывшего сына», что всех подкупало, автор явно «строил из себя», своей биографии, своих юношеских впечатлений и чувств. Хватит ли ему собственной жизни на следующего героя, не случится ли самоповтора? Повтора не случилось. Зато опять родился яркий, парадоксальный, необычный и остро современный персонаж – профессиональный телевизионный юморист, придумывающий шутки для телеведущих. Дело это непростое. Особенно если сегодня днем тебя уволили, с женой ты только что развелся, а утром от тебя сбежал кот...

ISBN 978-5-9691-1374-9

© Филипенко С., 2015

© WebKniga, 2015

Содержание

Замыслы	6
Часть первая	6
Блог Саши Филипенко	9
Замысел первый. Я	9
Замысел второй. Ты	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Саша Филипенко

Замыслы (сборник)

© Саша Филипенко, 2015

© Валерий Калныныш, оформление и макет, 2015

© «Время», 2015

Замыслы

Моей жене Маше

Часть первая

Утром сбежал кот. Второй за год. Пока я искал его, Москва встала в пробку, длинную, как кишка.

Звонит незнакомец. Объясняет, что хочет поговорить о моем отце. Я отвечаю, что все, что касается моего отца – меня не касается. Бросаю трубку. Вслед за незнакомцем звонит бывшая жена. Напоминает, что я должен завезти анализы дочери в лабораторию. Спрашивает, почему я до сих пор этого не сделал. «Просрал», – отвечаю я.

Маленькие красные контейнеры передает теща. Эта женщина никогда не вступала со мной в открытое противостояние, но всегда включала воду в кухне, стоило мне пойти в душ. Двумя руками я обхватываю ее голову и крепко целую. В губы. Теща замирает. Я беру пакет и выхожу.

Телефон продолжает осаду. Трезвонит мой психоаналитик. Сообщает, что я пропустил очередной сеанс. Интересуется: стоит ли меня вообще ждать? «Я же не футбольная команда – чего от меня вообще ждать?»

Я извиняюсь и обещаю, что обязательно перезвоню.

Полчаса ищу нужную мне дверь. Десять минут объясняю пьяному лаборанту, какие именно анализы от него хочу:

– Послушай, старина, здесь есть хоть кто-нибудь потрезвее тебя?

Лаборант не отвечает. Перестает мямлить, улыбается, забирает дерьмо и закрывает дверь. Я уезжаю на работу.

– Пропуск! – гавкает охранник на первом КПП «стакана».

Сперва я даже не понимаю, что этот полудурок имеет в виду.

– Пропуск! – повторяет он.

Я роюсь в джинсах, похлопываю себя по рубашке, проверяю пиджак.

– Нет.

Охранник настаивает. Бронежилет на несколько размеров больше, застиранная рубашка, выцветшая пилотка, отпечаток крепостничества на лице. Этот парень выглядит так, словно только что отснялся в комедийном сериале и еще не успел разгримироваться.

– Кажется, я в машине забыл.

– Пропуск! – еще раз рявкает он.

– Послушай, дружище, ты что, новенький? Я уже сотню лет здесь работаю.

Меня все знают. Я и не вспомню, когда в последний раз брал с собой...

– Пропуск! – в который раз повторяет выпавшее звено эволюции.

«Хрен с тобой, – думаю я, – пропуск, так пропуск...»

Я понимаю: придется ждать. Государство вахтеров. Империя внутренней борьбы. Он пустит меня только тогда, когда в полной мере ощутит свое могущество. Свою власть здесь, в этой дыре. Словно вода, в этом человеке должна закипеть фраза: «Ладно, проходи». И лишь когда прогремит гром, когда тварь станет богом – турникет мотанет круг.

Я отхожу в сторону. Пытаюсь дозвониться коллегам – никто не отвечает, Лена в том числе. Сценарист опаздывает на работу на три с лишним часа. Этот сценарист я – начисто лишенный склонности к оптимизму репризер. «Дерьмо, – думаю я, – как правило, в это время съемка уже подходит к концу... дерьмо!»

- Ах, это ты... – печально отвечает Лена, когда я наконец дозваниваюсь до нее.
- Хрустальную сову за сообразительность! Может, еще спросишь, где я был?
- Я знаю, где ты был!
- Спустись – меня какой-то полудурок не пропускает.
- Саша, не нужно тебе подниматься... уезжай!
- С какой стати?
- Тебя уволили...

– Очень смешно! Слушай, я ехал на перекладных из Тифлиса. Утром сбежал кот. Голова болит. Мне плохо. Я сейчас не понимаю шуток – тем более ты никогда и не умела шутить – я устроил тебя на эту работу, чтобы ты встречала гостей. Вот и встреть меня, говорю!

– Сейчас...

Пока Лена спускается, я думаю, что все это действительно походит на увольнение. Я знаю, что один из каналов, правда, не наш, поступает со своими сотрудниками именно так. Никто не сообщает вам о разрыве трудового соглашения, никто не вдаётся в подробности и не объясняет причин, вам просто обнуляют пропуск. «Но, позвольте... – возмущаетесь вы, – у меня в кабинете куча вещей!» – «Как вы грубо о своих коллегах!» – с улыбкой отвечают вам.

В лифте, массируя лицо руками, я обращаюсь к бывшей жене:

- Что ты там шутила про увольнение?
- Я не шутила – тебя действительно уволили.
- За опоздание?
- Да нет, конечно!
- Тогда за что?
- А ты как думаешь?

Я не думаю. Я смотрю по сторонам: набитая телевизионщиками кабина.

Рядом со мной зеваает известный ведущий прогноза погоды. Он трет глаза и просматривает метеосводку в своем телефоне. Чаше этого парня ошибается только Гомер Симпсон. За его спиной ковыряется в бумагах диктор новостей. Правнук великого русского писателя. На нем джинсы «Джон Локк» и свитер фирмы «Юм». Из свитера торчат длинные нитки, впрочем, никого это не смущает – все знают, что ниточки ведут прямиком в здание за большой красной кирпичной стеной. Ведущий новостей отрывается от своей макулатуры и с какой-то, неведомой мне доселе, радостью произносит:

– Поздравляю! Все сегодня только о вас и говорят!

«Бред какой-то». Я ничего не понимаю. Когда мы выходим из лифта, Лена сама останавливает меня.

– Послушай, не нужно тебе туда. Нино очень зла!

– Это что, розыгрыш?! – у меня быстро работает мозг – за это мне и платят. Я был сценаристом нескольких первых выпусков одноименной программы. Наверное, думаю я, у этих кретинов наступил какой-нибудь юбилей, и они решили разыграть бывших авторов.

– Это шутки у вас такие, да?! Вы разыгрываете меня?! Поэтому мне сейчас никто не отвечал? Ну ладно, признавайся, где камеры? Где микрофон? На тебе?

– Нет никаких камер, Саш! Нет никаких шуток! Тебя действительно уволили!

– Да за что меня могли уволить?

– Ты хочешь услышать официальную версию?

– Да в задницу себе засунь свою официальную версию! Я хочу понять, что здесь вообще происходит?! Что это за цирк такой, а?

– Не ори! За твой блог тебя уволили!

– Мой блог? Что за хрень? У меня нет никакого блога!

– Может, тебе перестать пить?

– Я серьезно тебе говорю – нет у меня никакого блога! Что ты вообще несешь?!

– Я говорю о страничке, на которой ты соизволил выкладывать части своего будущего романа.

– Романа? Да я только в двадцать восемь лет узнал, что у женщин нет кадыка, о чем я вообще мог написать?! О каком романе ты говоришь?!

– О том, который сегодня читает весь телецентр.

– Что за дерьмо?

– Действительно, дерьмо! Ты отвез анализы?

– Да. Они обещали прислать результаты тебе на почту. Я оставил твой адрес.

– Нужно вызвать мастера. Уже несколько дней не работает wi-fi...

– Пьяный лаборант двух слов связать не мог. Все мямлил что-то себе под нос. Он язык свой будто из жопы достал.

– Я хорошо знаю эту лабораторию – там работают люди с ограниченными возможностями. Господи, из-за твоих родителей ты вечно будешь принимать людей за алкашей...

Лена берет мой телефон, вбивает в поисковике какой-то адрес и нежно целует меня. Вероятно, только в этот момент до меня доходит, что что-то действительно произошло. После развода она ни разу даже руки мне не подала – какие поцелуи?

По коридору бегают продюсеры. Рядом со мной, не поздоровавшись, проходит известная исполнительница. Пипетка. Несколько лет назад, на одной из съемок, я послал ее. Она строила из себя звезду, а я знал, в каком сочинском стриптиз-клубе она раздвигала ноги. Авторы следуют уважать. «Надо сматываться», – думаю я.

Открыв машину, я вытаскиваю из бардачка пластиковую бутылку. Делаю глоток. Неприятный, соленый вкус. То, что мне сейчас нужно, – бутират. Я бросаю бутылку на кресло, закрываю машину и решаю прогуляться. А что? Вся эта история даже веселит меня!

Прогуляться получается недалеко. Билет, эскалатор, станция монорельсовой дороги.

Посреди платформы стоит длинная деревянная, не самая уродливая из всех, что я когда-либо видел, скамья. Словно ворон, туда-сюда расхаживает какой-то мужичок. Я думаю, что ему неплохо было бы броситься под поезд. На рельсы. Прибывает состав. Электронный голос объявляет следующую станцию. Я присаживаюсь на скамью и включаю телефон.

Блог Саши Филипенко

С сегодняшнего дня я буду выкладывать здесь отрывки своего романа. Роман, смею полагать, будет называться «Замыслы». Для затравки выкладываю сразу несколько глав. Надеюсь, Вам он понравится. И помните – если вы прочтете этот роман – я стану писателем!

Бред!

Замысел первый. Я

Важно начать с начала. Папа говорит, что в Японии возраст ребенка считается с момента зачатия. Если это так, то японцы мне по душе. Мне – семь. Через два месяца, в последний день сентября меня попросят отсюда. После получасового обсуждения родители все-таки назовут меня Александром и в первых числах октября перевезут в квартиру в центре Риги. Если честно – мне не очень-то улыбается становиться очередным гражданином Советской Латвии тридцатого сентября – в этом случае всякий умеющий считать до девяти кретин будет знать, чем мои родители занимались в новогоднюю ночь. Каждый раз, когда какой-нибудь идиот возьмется шутить над этим – я буду бить морду. В остальном, смею полагать, моя жизнь сложится хорошо.

Сегодня утром, поглаживая мамин живот, папа рассказал нам потрясающую историю: один японец выжил во время бомбардировки Хиросимы и, опасаясь новой катастрофы, уехал в Нагасаки. Спустя три дня человек вновь попал в беду – на этот раз бомбили Нагасаки. Папа рассказал, что мужчина спасся и во второй раз. Японец пережил две ядерные бомбардировки без единой царапины! Мама говорит, что японец выжил только потому, что у Бога был на японца замысел. Папа смеется. Папа в Бога не верит. Папе лень.

Отец часто вспоминает про Японию, потому что служил во флоте на Дальнем Востоке. Папа утверждает, что флот – один из немногих способов взглянуть на мир и привезти ликвидную одежду. Насколько я понимаю, многие граждане великой страны приезжают за белыми носками и к нам, в Юрмалу и Ригу.

Папа попал на корабль при содействии моего прадеда. Прадед – генерал авиации, человек исключительной важности. Моего прадеда все очень любят. Благодаря ему у нас есть квартира в центре Риги (кажется, даже две), «Волга» и дача в Юрмале. Есть дорогая мебель и записная книжка связей. Бабушка говорит, что самое страшное в жизни – потерять записную книжку. Я наматываю на ус.

Мою маму зовут Мария. Маме девятнадцать. Если верить папиным словам (папе двадцать) – мама у нас фантастическая. Папа постоянно это повторяет, но мама не верит. У мамы комплексы. Мама уверена, что в ее положении невозможно быть красивой. Мама настаивает, что с каждым днем она все больше похожа на шкаф. Если выбирать между красивой женщиной и сервантом – я выбираю первое.

Моего отца зовут Саша. Как и меня. Александр. Я буду Сан Саныч. Если верить маминим словам – папа идиот и балбес. Точка. Добавить

тут, собственно, нечего. Мама утверждает, что из него ничего не выйдет. «Мы всегда будем несчастны», – часто повторяет она.

Кроме отца, матери и прадеда имеются родственники. Насколько я понимаю, значительным авторитетом пользуется моя прабабушка. Ее зовут Татьяна. Она из дворянской семьи. До революции у ее отца было несколько фабрик. После – понятное дело – одни проблемы. Прадед (тот, что стал генералом авиации, не приняв участия ни в одном воздушном бою, – генерал пера и пыли, всю жизнь занимался расследованием авиакатастроф) был особенно беден. Уже в четыре года он начал работать погонщиком лошадей в шахте. Целый день маленький мальчик водил лошадку с углем туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда. Я повторил всего три раза, а он делал это весь день, в четыре года. На первом свидании прадед повел мою прабабушку есть вареные сосиски. Прабабушка стерпела. Ее мать приказала ей стерпеть, объяснив, что если на кого-то и стоит делать ставку в стране строящегося сюрреализма, то только на военного. У нее была осанка, и она была как гончая, а он взбирался на нее как дворняга, потому что иначе не умел. Не знаю, запомнила ли прабабушка на всю жизнь вкус тех сосисок (будет шанс, научусь говорить – спрошу), но, смею полагать, о содеянном она не жалеет. Думаю, жизнь кое-что даже вернула ей. Во всяком случае, не каждой советской женщине муж, находившийся в составе оккупационных войск в Венгрии, передавал с самолетами из Будапешта запеченных фазанов. Вот, но я не об этом.

Вы, скорее всего, заметили, что я сейчас рассказываю не столько о себе в единственном числе, сколько о нас во множественном. Вроде как этот рассказ скорее про «мы», или, в крайнем случае, про «они», но уж никак не про «я». Это не совсем так. Нарратологи, несомненно, поспорят, но пока я здесь, в мамином животе (а скажу вам по секрету, что я только что решил выбраться прямо сейчас), класть я хотел на нарратологов. Так вот, пока я здесь, я – это они. Я – это мой отец, блондин, который очень разочаруется, когда увидит, что его сын – смуглый малыш с длинными черными волосами, из-за которых у мамы постоянно была изжога. Я – это тетя Стелла, которая стала нашей родственницей, когда бабушка отдала ей своего первого мужа – отца моей мамы. Я – это дядя Гена, брат моей бабушки, чья жена никак не может забеременеть и потому по-прежнему отчисляет Советскому Союзу налог за бездетность. Я – это родители моего отца, которые, насколько я понимаю, не очень любят родителей моей мамы, но все же рады, что сын нашел себе неплохую партию, даже несмотря на то что дед подозревает в своей невестке потаскуху. Я – это брат моего отца, который любит мою маму больше моего отца, но никогда не скажет об этом ни ему, ни, тем более, ей. Впрочем, нет, ей, наверное, все же скажет, но не скажет мне. Я – это узкие улицы Риги, по которым моя мама ходит в магазин, чтобы купить шесть килограммов картошки, которые сейчас тащит домой. Я – это двор, в котором наши соседи обсуждают, что я совсем скоро появлюсь на свет. Я – это лето, наша дача в Юрмале, чемпионат мира по футболу в Германии и 1974 год. Ну, я пошел...

Дурачье! Бутират действует – мне смешно. Кто-то решил разыграть меня. Я улыбаюсь. За все это меня, конечно, не могли уволить. Я продолжаю читать.

Замысел второй. Ты

Лежишь в своей комнате. Прислушиваешься к соснам. Деревья подражают шуму моря. В доме тишина. По сравнению с тем, что творилось на протяжении всего вечера, – это даже не тишина, но смерть. Еще полчаса назад здесь было человек двадцать. Друзья отца, любовницы и жены. Все эти люди пили, роняли бокалы и пели песни. Они веселились, спорили и перекрикивали друг друга. Теперь затишье. Ты слышишь, как в кухне капает вода. Луч света из коридора падает на фигурку жирафа. Здесь так тихо, что ты слышишь, как тикают часы, которые прадед когда-то привез из Будапешта. Кто-то в ванной. Там отец или мать, но это не так уж и важно – тебе уже известно, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Последние гости ушли полчаса назад, и, значит, осталось всего ничего, через несколько мгновений начнется скандал.

Тебе страшно. Ты знаешь, что родители пьяны. Тебе десять лет. У тебя большой опыт. Ты знаешь, чем заканчиваются гости. Страх заполняет твою грудную клетку, плечи и живот. Ты знаешь, что предстоящее бедствие не предполагаемо, но реально. Ты чувствуешь слабость в руках. Хотя организм мобилизован, сейчас ты не смог бы сломать и карандаш. Еще несколько часов назад, в полночь, ты слышал, как, понося отца, пьяная мать пыталась совладать с собственными губами и языком. Мать кричала, отец кричал в ответ. Ничего нового. Мама редко подбирает новые слова. Те, что она выбрала несколько лет назад – до сих пор работают безотказно. Если бы не дядя, который предложил выпить еще – скандал бы начался гораздо раньше.

Хорошее упражнение для мозга. Без пяти минут разминка в клубе веселых и находчивых. Четыре часа утра – время спать, но у тебя есть всего тридцать секунд, чтобы остановить взрослых. Ты понимаешь, что прямо сейчас, в эту самую минуту, во что бы то ни стало должен скинуть с себя одеяло и выбраться из кровати. Ты понимаешь, что обязан оказаться в гостиной, иначе начнется драка. Прямо сейчас, в миг этот, ты должен рассказать им какое-нибудь смешное стихотворение или спеть песню, в которой забавно переделал слова. Другого способа переключить пьяное сознание родителей нет. Ты знаешь, что они любят веселье. Мама часто берет тебя на танцы. Ей это нравится. Ты пытаешься придумать этюд, шутку, репризу, но ничего не выходит. Ты не можешь. Тебя мучает тревога. В тебе варится ужас. Тебе не собраться. Слишком сложная задача. Слишком поздно. Тетива тугого лука уже натянута. Ты сам виноват.

«Дурак! Дурак! Дурак!». Еще утром ты знал, что вечером будут гости. Ты мог подготовиться, что-нибудь придумать на перемене, но ты понадеялся на лучшее. Зря.

Пощечина. Сильная. Открытой ладонью. Отец наотмашь бьет мать. Как ты определил? Со временем можно научиться многому. Тебе десять, ты еще не знаешь, что у страха бывает два нейронных пути, но

прекрасно осведомлен о том, что происходит в соседней комнате. Ты слышишь, как мама падает на ковер и начинает кричать: «Ты что, мудака, совсем?!» В этот момент ты еще не знаешь, что запомнишь эту фразу на всю жизнь.

Ты знаешь только, что ближайшие несколько часов не заснешь...
«Животное! Сука! Сука!»

Удары повторяются, разбивается бокал. Ты собираешься с мыслями: «Давай, Сань, давай, решай, пожалуйста, скорей!». Анекдот не получается, шутка тоже. Через много лет ты станешь человеком, способным переписать пять конкурсов за ночь, но пока этого не выходит, нет. Ты понимаешь, что достаточно было бы уже того, чтобы просто заткнуть мать. Прямо сейчас – все, что тебе необходимо – заставить ее замолчать. «Забейся, пьяная тварь! Терпи и молчи!» – вот все, что нужно было бы сказать, но ты опоздал. Так уже не получится. Не случится. Не выйдет. У этой ночи будет другой, совершенно точно не тобой написанный сценарий. Поплывшая мать начнет провоцировать отца. Отец поддастся. Мама захочет сделать побольнее. У мамы получится. Яго в юбке. Ей бы поджигать Рейхстаг или Рим, управлять глейвицким или майнильским инцидентами, но она ограничится лишь своим мужем. Как змея, она будет бросаться на него. Словно загнанная в угол крыса, окровавленная, она будет защищаться и кричать гадости. «Животное! Ублюдок! Тварь! Тварь! Тварь!» Она будет царапаться, шипеть и брызгать слюной. Ты знаешь, знаешь, что через несколько секунд полетят бокалы, вилки и ножи. Полетят бутылки, шкатулки и фотографии прадеда. Полетят удары и глупые, ублюдские, не достойные мужчины папины слова: «А ты у него с солью сосешь или без?!»

И ты будешь лежать в своей кровати и думать, что если один из них убьет или покалечит другого, то все наконец закончится. Что если кто-нибудь кому-нибудь, в конце концов, попадет в глаз или хотя бы отрежет палец, то они наверняка помирятся, и заживут по-новому, и, быть может, даже перестанут пить...

Только этого не произойдет. Произойдет другое. Будет так: в комнату вбежит мама – мама будет кричать: «Сыночка! Сыночка! Защити! Прошу тебя – защити меня! Посмотри, сыночка!» – мама протянет тебе свой окровавленный зуб и продолжит просить о помощи. Ты будешь смотреть на ее заплывший глаз, на тонкую струйку крови и, прячась под одеялом, станешь звать к вбежавшему следом отцу: «Нет! Нет! Папуля, любимый! Нет, пожалуйста, не бей ее! Папуля, пожалуйста, я тебя очень прошу, не бей, ради меня!»

Ты знаешь, что так и будет. Прямо сейчас, когда раздался первый удар, когда звучит увертюра мерзости, ты знаешь, что будет именно так, ибо так было, так есть и так будет. И в этом есть маленькая радость и счастье, потому что тебе известна программа. Ты понимаешь, что это не навсегда, что это всего-навсего до утра. И в середине ночи отец остановится. И повалится на кровать. И он заплачет, и любой другой ребенок, вероятно, обрадуется завершению скандала, но только не ты. Ты будешь знать, что это только середина. Но и это хорошо, ведь это уже середина и, значит, осталось всего

ничего! И, пользуясь тем, что ты пришел на помощь, мать продолжит орать: «Мразь, ублюдок, животное! Пошел вон из моей квартиры! Это моя квартира! Это квартира моей мамы! Ты здесь никто! Слышишь, говно, – ты никто!».

«Замолчи! – закричишь ты на мать. – Папа, папуля, любимый, не обращай на нее внимания! Она пьяная! Папочка, пожалуйста, только не бей ее, она пьяная!»

И будет ночь, и ты будешь знать, что всегда необходимо думать не о правде, не о том, кто прав, кто виноват, но только о том, кто сильнее, и кто может победить, и кто, скорее всего, доведет дело до конца, потому что конец и есть правда.

Тебе бы стать дипломатом. «Давайте говорить не о том, что нас разъединяет, а о том, что нас объединяет». Все мы хотим спать. Давайте отталкиваться от того, что все мы хотим спать, от того, что, по разным причинам, вы все равно не разведетесь, и всю жизнь проживете вместе, и раз уж так будет продолжаться вечно, раз уж в этом перманентном конфликте всем нам придется жить – давайте хотя бы сегодня закончим пораньше, потому что завтра опять в школу.

Тебе будет десять, и ты будешь знать, что отцу нужна помощь. Важно, чтобы он знал, что на его месте ты бы поступил точно так же. Ты бы тоже бил. О, да! Любой бы на его месте бил. Эту информацию нужно донести очень быстро – одним взглядом. Он еще умничка – другой бы вообще убил! Необходимо, чтобы в этот момент разгневанный отец чувствовал себя мужчиной, но не дерьмом. Только это поможет ему остановиться. Если вдруг он почувствует свою вину – забьет мать до смерти. Ты знаешь, что прямо сейчас нужно внушить ему, что он прав. И ты кричишь на мать: «Заткнись! Заткнись, я тебе говорю!». И мать плачет, и смотрит на тебя, и ничего не понимает. Ей кажется, что она права. Ей кажется, что на женщину нельзя поднимать руку. Ей, пьяной, кажется, что она имеет право на все, но перед ней стоишь ты, и тебе десять, и ты кричишь, чтобы она заткнулась, и это способно отрезвить лучше любой капельницы. И по ее лицу течет кровь, и град слез, но ты не говоришь ей «мамочка», ты и не думаешь гладить ее по голове, ты и не думаешь обнять ее, хотя она тянет к тебе руки, ты думаешь только, что, возможно, прямо сейчас сам начнешь ее бить. И делаешь это – ты даешь ей первую пощечину, и грудь твоя наполняется страхом, гневом и радостью – ты понимаешь, что это лучшее, что ты мог придумать. «Умница, Саша! Умница!» Ты хвалишь себя за гениальный замысел, и обезумевший отец хватается тебя за руку: «Ты что, с ума сошел? Нельзя! Никогда и ни в коем случае нельзя бить мать!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.